

КОРСАРЬ.

Изъ сочиненій Лорда Байрона.

.....nessun maggior dolore,
Chericordarsi del tempo felice
Nella miseria.....

Dante.

Пѣснь первая.

I.

„Когда мы плывемъ по скачущимъ волнамъ лазореваго моря, наши души и мысли, какъ оно, свободны. Наши владѣнія, наше опечество вездѣ, гдѣ дуютъ вѣтры и пѣнятся волны. Океанъ наше царство: оно не имѣетъ предѣловъ. Нашъ флагъ есть скипетръ, коему всѣ народы повинуются. Въ нашей бурной жизни, мы съ одинакимъ веселіемъ переходимъ ошъ шруда къ покою, и ошъ покоя къ шруду. Кто въ соспояніи изобразитъ счастье шакой богатой перемѣнами жизни? Неужели ты, излѣженный рабъ роскоши, изнемогающій ошъ одного рева сердитыхъ валовъ? Или ты, спѣсивый богачъ, погруженный въ праздность и сладострастіе, ты, для кошораго сонъ не сладокъ и удовольствіе не наслажденіе. Нѣтъ, эшо лучше исполнишь отважный смертный, повѣрившій богатства свои невѣрному морю. Ему извѣстны біеніе сердца и восторги моряковъ, кошорые цѣлую жизнь браздятъ безпредѣльную водяную равнину. Пусть онъ скажешь, какъ мы радуемся близкому сраженію! Извѣстно, съ какою

пылкостью бросаемся мы въ опасности, ошь конхъ бѣжишь робкій. Какъ ужасающія малодушныхъ прешествія, пробуждають въ нашихъ душахъ бодрость и отвагу!

„Смерть не страшна для насъ, особливо, если мы гибнемъ вмѣстѣ съ нашими противниками. Смерть не печальнѣе скучной праздности. Пусть ее придетъ, когда захочетъ: мы спѣшимъ наслаждаться жизнью; если надобно ее покинуть, то какая нужда, кщо насъ разлучитъ: болѣзнь, или бѣдъ? Пусть пощъ, кому пріятна спарость, бредетъ на косыляхъ къ смертному одру своему, пусть долго на немъ помишся, задыхаясь и приковавъ къ изголовью дряхлую свою голову. Мы лучше любимъ спать на зеленой муравѣ, нежели на лихорадочной постелѣ. Между шѣмъ, какъ изнемогающій спарець съ продолжительнымъ шрудомъ снимаешь съ себя ношу жизни, мы свою весело и въ мигъ съ плечъ сбрасываемъ. Пусть онъ хвалится шѣсною урною и мѣлочнымъ памяникомъ: ихъ воздвигнуть ему по смерти его шѣ, копорые въ жизни его ненавидѣли. Мало слезъ проливають о насъ; за шо онѣ искренны. Наша могла подъ валами океана — и шоварищи горюють о насъ за дружескимъ пиршествомъ: кубокъ осушается въ наше воспоминаніе. Короткая надгробная похвала не забыша въ день опасности, когда оставшіеся въ живыхъ побѣдители дѣляшь добычу и съ шѣннымъ сожалѣніемъ, написаннымъ на ихъ печальныхъ лицахъ, восклицають: какое бы эшо было ра-

доспное мгновеніе для храбрыхъ нашихъ брашій, погибшихъ въ сраженіи!“

II.

Такъ пѣли морскіе разбойники, сидя вокругъ спорожеваго огня на своемъ островѣ. Пронзительные ихъ голоса раздавались вдоль берега, и пріятно ласкали ухо, шло же дикое, какъ эхо ушесовъ.

Корсары лежали шолпами на жёлтомъ пескѣ; одни играли, другіе ппли, прешьи разговаривали, или оправляли оружіе, и безъ содроганія передавали другъ другу сабли, съ запскшеюся на нихъ кровью. Въ гавани конопашили шлюбки, спавили мачшы, натягивали снаспи. Еще далѣе, иные бродили задумавшись по берегу; иные спавили силки пшицамъ, иные сушили на солнцѣ влажный неводъ и посмашривали на море. Каждое облачко казалось имъ парусомъ; они съ жаднымъ любопытствомъ въ него всмашривались. Другіе рассказывали объ опасностяхъ минувшей ночи, и спрашивали: скоро ли еще попадетсѣ корабль въ наши руки? о помъ же, гдѣ они найдутъ его, они мало заботяшся; эшо дѣло ихъ Ашамана. Ихъ должносшь въ шомъ, чшобъ никогда не сомнѣвашся въ его успѣхѣ. Но кто ихъ Ашаманъ? имя его повсюду извѣстно и спрашно; для нихъ эшаго довольно.

Онъ бываетъ въ ихъ общесшвѣ шолько шогда, когда ими предводительсшвуетъ; онъ говоритъ мало; но глазъ его проницашеленъ, рука вѣрна. Онъ не дѣлишъ съ ними веселыхъ пирсешвъ; но

его угрюмость охотно ему прощается за его побѣды. Никогда кубокъ не пѣнился для него виномъ багрянымъ; чаша съ виномъ не прикасается къ его уснамъ. Самые грубые войны находятъ объѣдъ его слишкомъ поспнымъ: черный хлѣбъ, зелень, изрѣдка плоды — вошь его яствы, въ кошорыхъ и самый строгій опшельникъ себя не опказываетъ. Воздерживаясь опъ грубыхъ чувственныхъ наслаждений, онъ укрѣплялъ духъ свой суровою жизнію.

„Плывите къ берегу!“ — и плывушь. „Готовшесь къ бишвѣ!“ — и сабли обнажены. — „За мною!“ — и неприяшель опрокинушь. Споль крашки его повелѣнія, споль быстра рѣшимость: всѣ повинуются; рѣдкіе спрашиваюшь: за чѣмъ; и обыкновенно получаюшь въ опшѣшь одно слово, одинъ взоръ гнѣвный или презрительный, всего же чаще опшяюшься безъ опшѣша.

III.

„Парусъ! парусъ!“ восклицаюшь корсары — и надѣюшься, что эшо добыча! — Какого цвѣша флагъ? какого государства? что говоришь шелескопъ? эшо не добыча! по крайней мѣрѣ, эшо корабль дружественный: красный флагъ развѣвается по волѣ зефира. Да вѣешь ему попушный вѣшеръ; эшо одно изъ нашихъ судовъ; оно плывесть прямо на насъ. О, еслибъ присшало оно прежде ночи! Вошь уже оно окружило мысъ, вошло въ заливъ; смоприше, какъ горделиво разсѣкаесть оно пѣнистую влагу; какъ величавъ и красивъ ходъ его! Оно лепишь на всѣхъ

парусахъ! никогда не распускались они для бѣгства отъ неприятеля! Корабль мчится по влажной стихіи, какъ будто существо одушевленное, и, кажется, презираетъ клубящіяся волны. Кто не полетишь противъ громовъ и бурь, чѣмъ заслужишь улыбку Начальника сей пловучей крѣпости?

IV.

Шаруса подобраны; канатъ съ шумомъ опускается по борту корабля, колеблемаго тяжестью якоря: онъ спалъ. Праздные зрители видятъ, что спускаютъ лодку; она уже на водѣ, пловцы гребутъ дружно — и носъ ея съ шумомъ разгребая песокъ, тихо привалилъ къ берегу. Раздались клики радости: другъ друга обнимаютъ, привѣщиваютъ, пожимаютъ руки, улыбаются, спрашиваютъ: сердце общается имъ праздникъ.

V.

Въ мигъ новость распространилась; толпа гусѣетъ; гулъ разговоровъ сливается съ восклицаніями восшорга; сладкіе голоса женщинъ показываютъ безпокойство; имена друга, мужа, возлюбленнаго, безпрестанно повшоряются.

„Живы ли они? мы не спрашиваемъ, побѣдили ли? но увидимъ ли ихъ? услышимъ ли? О, безъ сомнѣнія, они были храбры въ борьбѣ съ валами, въ пылу битвы. Но живы ли еще? бѣгите обрадовавъ насъ нечаяннымъ возвращеніемъ; облобызайте насъ; разсѣйте наше безпокойство! —

VI.

— „Гдѣ Ашаманъ? мы имѣемъ къ нему письмо и боимся, что радость нашихъ будетъ крашкременна; но она услаждаетъ сердце, ибо искренна. Пойдемъ! *Жуанъ*, веди насъ къ Ашаману. Исполнивъ должность, мы возвратимся дѣлишь съ вами веселіе.

Они идушъ на гору, къ подозрной башнѣ, по пропикѣ въ скалѣ вырубленной. Тамъ растушъ колючіе кустарники и дикіе злаки. Серебряные ключи разливають прохладу, и журчащіе ручьи, съ пѣною вырвашіеся изъ гранишной пещицы, предлагають холодную влагу для утоленія жажды. Восходя съ ушеса на ушесь, они пришли. Кто сей пустынный жишель, споящій подлѣ пещеры и неподвижно смошрящій на море? Задумчиво склонилъ онъ голову на рукояшъ сабли, кошорая не всегда служишъ шерпѣливою опорюю его десницѣ. „Эшо онъ, эшо *Конрадъ*; онъ часшо сюда уклоняешся. *Жуанъ*, доложи о насъ. Онъ осмашриваетъ корабль; скажи ему, что мы привезли ему шерперящія опшсрочки извъспія. Мы не смѣемъ подойши къ нему; шы знаешъ, какъ онъ бываешъ недоволенъ, когда кто-нибудь войдешъ къ нему безъ приказанія.“

VII.

Жуанъ подходишъ и докладываетъ. Ни слова въ опшвъшъ; мановеніемъ руки онъ изъявилъ ему свою волю. *Жуанъ* зовешъ шоварицей. *Конрадъ* холодно опшвъчаешъ на ихъ привѣшшвіе — и ни слова. „Вошъ письмо, — говоряшъ они — опъ Греческаго

шпіона, копорый всегда предувѣдомляетъ насъ о близкой опасности, или о добычѣ. Чшо бы ни содержалось въ немъ; мы за долгъ поставляемъ сказать, чшо . . . . „молчать! молчать!“ повелишельно воскликнулъ *Конрадъ* — и они, удивленные, смѣшанные, опшупили, шепотомъ объясняли другъ другу свои опасенія, и хотѣли опгадать содержаніе письма по глазамъ Ашамана; но онъ, какъ будшо-бы узнавъ ихъ намѣреніе, опъ нихъ опшворопился. Можешъ бышь, изъ гордостши, а можешъ бышь, и по необходимости желалъ онъ скрышь опъ нихъ дѣйствіе, кошорое произведешъ на него полученное имъ извѣстіе.

„Мою записную книжку, *Жуанъ!* . . . гдѣ Гонзальвъ?“ — На корабль, въ гавани. — „Пусть онъ шамъ опшанешся: опнеси ему мое приказаніе. А вы, спупайте въ свои мѣста; будше гошовы сопровождашь меня; нынѣшнюю ночь я буду вами предводишельствовашъ.“ — Нынѣшнюю ночь? . . . — „Да, при захожденіи солнца; береговой вѣтеръ подуетъ прежде вечера. *Жуанъ*, пригошовъ мое оружіе, мой плащъ; черезъ часъ мы пущимся въ море. Возьми свой рогъ, вычисти мое ружье; напочи саблю, опдай слѣсарю поправить рукояшку. Ею владѣшь не ловко; въ послѣднемъ сраженіи, она ушопила мнѣ руку больше, чѣмъ непріатели.

„Сшрого смопри, чшобъ вѣшсовая пушка во-время подала знакъ къ опшпышю. Не опоздай, черезъ часъ ровно!“

VIII.

Они повинуются и поспѣшно готовятся къ новымъ морскимъ опасностямъ; однако не ропщутъ. Самъ *Конрадъ* предводительствуетъ! кто осмѣлится противорѣчить, раздумывашь? сей человекъ, окруженный пушинею и шайнштвенностью, рѣдко улыбающийся и еще рѣже вздыхающій, сей человекъ, котораго имя приводитъ въ робость самыхъ отважныхъ и заспавляетъ блѣднѣя ихъ загорѣлыя лица, умѣетъ владѣть ихъ душами съ шѣмъ превосходствомъ, которое ослѣпляетъ, увлекаетъ и заспавляетъ дрожашь людей обыкновенныхъ.

Въ чемъ же состоитъ сей шалисманъ, которому повинуется, завидуетъ и не смѣетъ противиться народъ своевольный? Это власшь мысли; очарованіе души: власшь, въ началѣ пріобрѣтенная успѣхами и сохраняемая искусствомъ и хитростью. Сія сила произвольно управляетъ слабодушными; она употребляетъ ихъ собственныя руки, какъ орудія, тогда, какъ они сего совѣтъ не подозрѣваютъ; она присвоиваетъ себѣ ихъ лучшіе подвиги.

IX.

Опличенъ опъ древнихъ Героевъ, дѣйствовавшихъ какъ демоны, но красотою подобныхъ богамъ безсмертнымъ, *Конрадъ* не имѣлъ въ чертахъ своихъ ничего разительнаго. Хошя огненные глаза его опѣнялись черными бровями; но онъ не могъ равняться съ Геркулесомъ силою; росшь его не показывалъ великана; однако, всмаприваясь въ него

Кн. XIV.

внимательно, можно было замѣнить что-то ускользавшее отъ взоровъ черни, что-то непоспѣваемое; повелѣвающее имѣло къ нему почтеніе. Щеки его загорѣли отъ солнца, широкое и блѣдное чело освѣнялось густыми черными кудрями. Хотя голосъ его былъ пріятенъ и осанка спокойна, но движеніе устъ обнаруживало гордыню, которую скрывалъ онъ съ большимъ тщаніемъ; казалось, что ему очень бы хотѣлось не советъ быть открытымъ. Воздымающіяся брови, перемѣняющаяся краска въ лицѣ, изумляли и смѣшивали ихъ, которые къ нему приближались. Казалось, что въ этой мрачной душѣ скрывался пестрый ужасъ и чувства, которыя отгадать не было возможности. Кто бы отважился привести въ ясность свое подозрѣніе? Его строгій взглядъ въ одинъ мигъ привелъ въ замѣшательство того, кто осмѣлился смотрѣть на него слишкомъ прістально. Темногіе выдержали неподвижность сего прозорливаго взгляда. Когда пыливый взоръ, желая проникнуть въ его душу, наблюдаетъ движенія лица его: онъ въ минушу отгадываетъ намѣреніе наблюдающаго и, угрожая открытъ собственныя его мысли, заставляетъ его принять оборонительное положеніе и опречья отъ своихъ изысканій.

Въ минушу гнѣва, онъ улыбался, какъ дьяволъ — и возбуждалъ страхъ и ярость. Куда простирались онъ гнѣвную руку — тамъ надежда исчезала, — и жалость со вздохомъ удалялась. (*)

(*) Итъ сомнѣніи, что Лордъ Байронъ хотѣлъ изобразить здѣсь характеръ *Ипполитона*.

Х.

Знаки дурной мысли слегка наружу выказываются; ея впечатлѣніе внутри души глубоко. Любовь не въ силахъ скрыть своихъ чувствъ; ненависть, честолюбіе, измѣна обличаютъ себя горькою улыбкою. Легкое движеніе успъ, спонкая блѣдность на лицѣ шого, кѣмъ они властвуютъ — суть единственные признаки сильныхъ спрастей. Чшобъ сдѣлашь справедливое понятіе и судишь о нихъ — надобно ихъ видѣшь, не будучи видимымъ. Тогда-шо вы замѣшите скорые шаги, глаза поднятые къ небу, безмолвіе опчаянія, которос вспрепенувшись подслушиваетъ; шогда черты лица выражаютъ движенія сердца, котораго спраданія, выказываясь внѣ, въ шо же время грызуть и внутренность. Судороги опъ напряженія побѣдитъ боль; оледѣняющій холодъ, или пожирающій пламень, попережънно являютъ чело его: или въ сильномъ жару, или въ совершенномъ оцѣпненіи.

Благопріятная минуша для наблюденій надъ душою шого, кого узнашь вы любопытствуеш; но дошпанеш ли у васъ смѣлости? Наблюдайте его въ часы успокоенія; замѣшите, какъ память ненавистныхъ годовъ раздираеш его опустошенное сердце; но кто извѣдалъ, кто извѣдаеш свободный ходъ скрытныхъ мыслей шакого челошъка?

ХІ.

Природа не назначала *Конрада* бышь Ашаманомъ разбойниковъ. Его душа пережънидась прежде,

*

нежели онъ объявилъ войну людямъ и опсшунилъ отъ Бога. Ему извѣстно, что онъ ненавидимъ; но онъ пребуешь не преданности, а страха и повиновенія. Одинокій, свирѣпый и чудный, онъ довольствуется тѣмъ, что имя его грозно, что онъ изумляетъ своими подвигами. Тѣ, которыхъ боялся, не смѣютъ презирать его.

Человѣкъ попираешь ногами слабого червя; но не вдругъ рѣшается разбудить змѣю ядовитую. Пусть червь приподнимаетъ голову; онъ не смѣетъ опсшпить. Любая змѣя умираетъ, но прежде ранитъ врага своего. Ее легче раздавить, нежели побѣдить; у нее всегда остается сколько силъ, чтобы ужалишь.

XII.

Нѣтъ человѣка совершенно злаго. Въ *Кокрадовой* душѣ царствовало живое чувство — и онъ не могъ его вырвать. Онъ нерѣдко съ улыбкою жалости смотрѣлъ на слабодушныхъ, которыми овладѣла страсть ребячества и сумасшества; и, между тѣмъ, самъ былъ работою-любви. Такъ! онъ зналъ любовь чистую и недѣлимую. Каждый день встрѣчались ему прекрасныя невольницы; равнодушный, онъ не искалъ и не убѣгалъ ихъ. Сопни женщинъ помились въ неволѣ на оспровѣ разбойниковъ: ни одна не видала его слабымъ. Такъ! если нѣжность испушеніями испытанная, если чувствованіе усиленное несчастіемъ, ни временемъ, ни разлукой не охлажденное, достойны сего имени: то это любовь!

Обманушыя надежды, опрокинушыя замыслы, печаль неудачи, все разсывалось одною улыбкою его возлюбленной. При ней, буря гнѣва его ушихала и мученіе не могло вырвать ни одной жалобы. Онъ боялся перелишь въ ея сердце свои горести, и умѣлъ казаться веселымъ и спокойнымъ. Ничто не могло у меньшишь его нѣжность, поколебашъ его привязанность. Если это любовь, то *Конрадъ* любилъ. Онъ былъ пресупникъ, достойный казни; но любовь его чиста. — Сіе могущественное чувство, кошораго и злодѣйство не пошушило, пережило всѣ добродѣтели.

XIII.

Конрадъ проводилъ глазами своихъ воиновъ съ перваго поворота въ долину.

„Чудная новость!“ вскричалъ онъ; „я тысячу разъ кидался въ опасности; опъ чего же шеперешняя кажешся мнѣ послѣднею? Нѣтъ! предчувствіе не сдѣлаешъ меня робкимъ; я покажу себя достойнымъ вождемъ своимъ шоварицамъ. Если безумно идиши на встрѣчу смерти: то мнѣ кажешся, еще безумнѣе дожидашся ея прихода. Если счастье улыбнешся моему предпріятію, то много слезъ прольешся на похоронахъ моихъ. Пускай мои враги спяшъ безмяшежно, пусть лешаюшъ надъ ними шихія словидѣнія. Никогда еще ушро не пробуждало ихъ шакимъ яркимъ сіяніемъ, какое гошовлю я въ эту ночь симъ мшшителямъ морей. Сшпану ждашъ попушнаго вѣпра! . . . . пойдемъ просшишься съ *Медорою* . . . . какое бремя лежишь у меня на сердцѣ?

предохранимъ ея сердце. Я былъ храбръ, но щепетно гордишься такимъ качествомъ, которое дано въ удѣлъ всѣмъ существамъ одушевленнымъ. Последнее насѣкомое, у котораго хотяшь опияшь добычу, грозить жаломъ. Меня ожидаетъ слава благороднѣйшая; я покажу, какъ малое число храбрыхъ одолеваетъ многочисленныя полчища непріятелей. Часто въ битвахъ уполяли мы кровью пламенную жажду славы . . . . успѣхъ повсюду мнѣ сопутствовалъ. Сего дня . . . . нѣтъ средины! побѣда, или гибель! но не смерть меня превозмощитъ; я веду своихъ товарищей въ такое мѣсто, откуда бѣгство невозможно.

„Доселѣ я мало занимался своей судьбою; гордость моя возмощитъ противъ мысли, употребитъ коварство. Могу ли ожидать успѣховъ отъ моего искусства и хитрости? не уже ли надобно въ одинъ разъ отваживашь и власть и жизнь? неумолимая судьба! . . . увы! обвиняй свое безуміе, а не судьбу: она еще можетъ спасти тебя; для нее никогда не поздно!“

XIV.

Такимъ образомъ *Конрадъ* бесѣдовалъ самъ съ собою, пока не достигъ вершины горы, на которой воздвигнута его башня. Очарованный сладкимъ голосомъ поющей *Медоры*, онъ остановился. Сіи пріятныя звуки неслись съ полуотвореннаго балкона. *Конрадъ* слушаетъ съ жадностью — и не можешь наслушаться.

1.

„Моя милая пайка глубоко схоронена въ душѣ моей: она выходитъ изъ нее только тогда, когда пререшаніе моего сердца оживляетъ бисію швоего: чаще покусись оно въ одиночествѣ.

2.

„Мой пламень, подобенъ неугасимому огню надгробной лампы, копорой также мерцаніе скрыто отъ глазъ людскихъ. Его лучи слабы, но ихъ не загаситъ холодная мгла опчаянія.

3.

„Не забудь меня; проходя мимо моей могилы; вспомни о той, копорой прахъ лежишь подъ снѣгомъ. Сердце мое не перенесетъ швоего забвенія.

4.

„Услышь послѣдніе звуки умирающей. Добродѣтель не запрещаетъ оплакивать мершвыхъ. исполни мою послѣднюю волю: подарь меня слезою, первою и послѣднею наградою за любовь мою.“

Конрадъ взбѣжалъ на крыльцо — и черезъ шемный переходъ, всунулъ въ комнату, въ самую шу минушу, какъ *Медора* кончила пѣніе.

„Твой романсъ печаленъ, милая!“ — сказалъ онъ ей. — „Развѣ могу я пѣть веселыя пѣсни, когда другъ мой въ опсуществіи? онъ опголосокъ души моей. Каждый звукъ долженъ бытъ съ нею въ согласіи; этому иначе бытъ не лзя; сердце бы мое заговорило, еслибъ уста молчали. Сколько без-

сонныхъ ночей провела я на вдовьей моей постелѣ. Въ страхѣ, самый тихій вѣперокъ казался мнѣ бурей; онъ едва надувалъ паруса; а въ ушахъ моихъ раздавался ревъ урагана; жужжаніе зефира казалось мнѣ гробовымъ спономъ надъ погибшимъ въ волнахъ моимъ возлюбленнымъ. Часпо въ смятеніи бѣжала я воспламеняшь огни маяка, боясь, чшобъ они не пошухли опъ небрежности другой руки, не столько шебъ преданной.

„Сколько часовъ провела я, наблюдая безпокойными глазами звѣзды небесныя! заря загоралась, а шебя еще со мною не было. Береговой вѣперъ оледѣнялъ мое сердце. Утро начиналось печально для шусклыхъ глазъ, успремленныхъ на море. Не смопря на мои слезы, на призывъ любви моей, ни одинъ корабль не показывался. Насшупалъ полдень. Съ восшоргомъ привѣшшвовала я мачшу, вдалекѣ посреди валовъ мною усмошрѣнную. Корабль приплывалъ и уплывалъ; другой приближался и удалялся; наконецъ, прешій . . . . эшо былъ швой корабль. Скоро ли кончатся дни столь шяжкіе? Когда рѣшишьсѣ ты, милый другъ, бросишь всѣ зашобы и вкушашъ подлѣ меня покой и счасшіе? Развѣ мало у шебя сокровищъ? Развѣ мало въ свѣшъ убѣжищъ пріятнѣе здѣшняго, гдѣ бы ты могъ бросишь кочевую жизнь свою! Не за себя я спрашусѣ; за швою жизнь, въ тысячу разъ для меня драгоцѣннѣйшую. За чѣмъ убѣгашь любви и дышашъ только войною? Кшо можешъ принудишь швое нѣжное, чувствившельное

сердце, послушаешь вопреки природѣ и ея сладчайшимъ склонностямъ? —

„Признаюсь, сердце мое давно перемѣнилось. Попираемый ногами, какъ презрѣнный червякъ, я ошмшилъ какъ змѣя. Твоя любовь ешь моя единственная ошрада на землѣ. Ни одного луча надежды не блещеть для меня на небѣ: нѣшь прощенія! . . . . Все мое счастье въ швоей любви, *Медора!* Минувшее ручаешься шеть за будущее. Еще одно усилие . . . . черезъ часъ я ѣду; однако не надолго.“

— — „Черезъ часъ! мое сердце эшо предчувствовало. Такъ разсѣваются лучшія мечпы мои о блаженствѣ. Черезъ часъ! но нѣшь, эшо бышь не можеть. Одно изъ швоихъ судовъ шолько-чшо вошло въ гавань; другое еще въ морѣ. Пловцамъ нуженъ ошдыхъ; другъ мой, шы смѣешься моей слабости, желаешь испышаешь мое сердце. Переспанъ играшь моею печалью; эша шушка слишкомъ горька. Поспѣши лучше раздѣлишь ужинъ, моими руками пригошвленнѣй. Какъ мнѣ пріятно заботишься о швоихъ умѣренныхъ яшвахъ! Посмотри, я нарвала самыхъ лучшихъ плодовъ, и когда колебалась въ выборѣ, шо срывала прекраснѣйшіе. Три раза обошла я вокругъ холма, чшобъ почерпнушь самой спуденой воды. Сего дня вечеромъ швой шербешъ будешь вкуснѣе, нежели когда-нибудь. Смошри, какъ онъ кипишь въ эшомъ фарфоровомъ сосудѣ. Сокъ гроздѣй никогда не щекочеть вкуса, не веселишь швоего сердца; шы чуждаешься вина больше, нежели самый

набожный Мусульманинъ. Я не упрекаю тебя; мнѣ мило твое воздержаніе. Пойдемъ, споль гоповъ; наша серебряная лампа не заржавѣетъ опъ сыраго Сироко; мои женщины будутъ пѣть и плясать для твоего увеселенія. Тебѣ пріятны звуки моей гитары: я испощу все свое искусство, чшобъ очаровашъ тебя пѣлишьными пѣснями; или, если хочешь, спанемъ чшпашъ въ Аріостѣ любовь злополучной Олимпіи. Ты будешь преступнѣе, чѣмъ измѣнникъ, погубившій сію несчастную, если въ эту минушу меня оставишь, преступнѣе, нежели . . . . ты улыбался, смопря при яспомѣ тебѣ на Аріаднинѣ островѣ . . . . и я часшо любовалась имъ съ высоты нашихъ ушесовъ, и забывая спрахъ будущаго, весело говаривала сама себѣ: шакъ оставишь меня *Конрадъ* и не возвратишься . . . . ты слаще меня обманывалъ, ты возвращался.“

— — „Вѣрь, нѣжный другъ, *Конрадъ* всегда возвратишься: всегда, пока онъ дышетъ, пока остасишься въ немъ искра надежды; но часъ опъѣзда быспро наспунаетъ; не спрашивай, куда и за чѣмъ я ѣду. Это не поможетъ; ибо все кончится словомъ: прости! ахъ, еслибъ дозволяло время, я бы все открылъ тебѣ . . . . но не бойся; враги наши не опасны; многочисленнѣйшая спража будешь оберегать островъ, удвоишь осторожностъ и въ состояніи выдержашъ долговременную осаду. Ты не одна остаешься; ны окружена подругами. Увѣряю тебя, чшо мы скоро увидимся; — я спѣшу обезпечить себя, чшобы, воз-

вращаясь, безопасно наслаждаешься мирнымъ счастьемъ . . . . . но рогъ звучитъ . . . . . прощай.“

Медора вскакиваетъ, бросается въ его объятія, скрываетъ лице свое на его груди; сердце ея возлюбленнаго подавлено тяжестью . . . . она не смѣетъ поднять прекрасныхъ глазъ своихъ . . . . . не можетъ плакать; ея волосы беспорядочно разбросаны по плечамъ; *Конрадъ* чувствуетъ, что ея сердце едва бьется, что оно окаменѣло отъ нестерпимой горести. Онъ относитъ ее на постель, сползаетъ надъ нею, какъ будто въ послѣдній разъ, содрогается, чувствуетъ, что она привязываетъ его къ жизни, цѣлуетъ охолодѣвшее чело ея . . . . . обернувшись . . . . . ушелъ.

ХV.

„Онъ ушелъ!“ — вскричала *Медора*. „Онъ былъ здѣсь за минушу — и теперь уже нѣтъ его!“ она бѣжитъ на утѣшу: тамъ облегчила она сердце слезами; никогда не плакала она столь горько и много; но уша ея не хотѣя произнести страшнаго слова *прости!* Напрасно усиливаемся мы выразить сими словомъ надежду; оно дышетъ отчаяніемъ.

Уже горестно начертала на блѣдномъ челѣ *Медоры* черты неизгладимыя; ея лазоревыя очи потеряли весь блескъ, безпрестанно обращаясь въ ту сторону, куда сокрылся другъ ея, кошораго она увидѣть отчаялась. Но не *Конрада* ли она видитъ? Увы, это онъ! но какъ далеко! ея прекрасные глаза проливають ручьи слезъ. „Онъ уѣхалъ!“ *Медора*

скрещила руки на сердцѣ; подняла ихъ къ Небу съ молибною; попомъ вперила глаза на валы морскія и на бѣлые паруса, въщромъ развѣваемыя. Ошврашила взоръ — и съ расперзанною душою шиха побрела въ одинокій перемъ. „И шакъ мое несчастіе не сонъ!“ — вскричала она.

XVI.

Неумолимый *Конрадъ*, съ ушеса на ушее шель къ морю скорыми шагами. Онъ не смѣлъ оглянушья; но чувствовалъ препеншь, каждый разъ, когда на поворотѣ дороги вспрѣчались взору его предметы, ошъ кошорыхъ онъ спѣшилъ удалишья; сія, на вершинѣ горы стоящая башня, первая представляется ему, когда онъ возвращается въ приснанъ; сія подруга, задумчивая звѣзда, кошорую съ шакимъ нешерпѣніемъ всегда ищешь онъ распознашь изъ-дали. Онъ шсараешя забышь, что можешь бышь съ нею счасливъ, и что можешь все пошеряшь. Однако онъ сильно борешя самъ съ собою . . . . колеблешя . . . . оспанавливаешя на минушу въ нерѣшимоспи. Ему бы хотѣлось бросишь въ волны всѣ свои замыслы и предоставишь форшунѣ судьбу свою. Нѣшь, нѣшь! мужешвенный вождь смягчаешя, но никогда не покаряешя слезамъ женщины. Онъ ошмаприваешъ свой корабль, радуешя благопріашному въпру, призываешъ всю силу души своей — и иदेशъ далѣе. Скоро смѣшанный крикъ машпросовъ, шумъ весель, скрышь снашей поражаешъ слухъ его и разсѣваешъ думы. Онъ видишь подняшый якорь, воздушные па-

руса и въшерь развѣвающій плашки пловцовъ, кошорые машушь ими, безмолвно прощаясь съ споящими на берегу друзьями; видишь красный флагъ свой и стыдишься сердечной слабости; горящїе глаза и кипящая кровь увѣряюшь его, что онъ оная спалъ самъ собою. Поспѣшно прошель онъ проспространство опъ горы до берега: пушь остановился, чтообъ освѣжиться въшерькомъ, или, лучше, для того, чтообъ приняшь обыкновенный важный видъ свой и скрышь опъ шолны внушрешнее смяшенїе . . . . Ашаману давно была извѣсна шайна, накидывашь на себя непроницаемую завѣсу, шайна, необходимая для повелишелей. Его гордая походка, его — какъ бы ускользящая опъ глазъ — осанка, вдыхали уваженїе. Важное чело, величавый взоръ, Рыцарская вѣжливостъ, держали въ почшишельномъ опдаленїи, но не опгоняли опъ него народа. Въ семь шалисманѣ заключалась ша сила, которая засшавляла всѣхъ ему повиновашься.

Когда же ему было нужно прїобрѣстъ чью-нибудь дружбу, шо ласковый привѣшь въ мигъ разсѣвалъ боязнь шого, кто къ нему приближался, и одно его слово, кошорое съ звукомъ благоволенїа вкрадывалось въ сердце, предпочишалось драгоцѣннѣйшимъ подаркамъ. Но, суровый, онъ рѣдко прибѣгалъ къ сему средству, и отккрышую силу предпочишалъ убѣжденїю. Несчастныя спрасши, укоренившїяся въ немъ еще въ молодости, шребовали не преданности, а слѣпного повиновенїа.

XVII.

Его шлюхранишели ожидающъ повелѣній; *Жуанъ* смотришь ему въ глаза. „Все ли гошово?“ — Все гошово, шлюбка ожидаетъ Ашамана. — „Саблю и плащъ!“ и плащъ на плечахъ его, и сабля опоясана. — „Позовише *Педро!*“ — Онъ здѣсь! — *Конрадъ* дружески взявъ его подъ руку, отвелъ въ спорону и отдавая ему свою записную книжку, сказалъ: „здѣсь найдешь ты важнѣйшія распоряженія . . . удвой спражу; по возвращеніи *Ансельма*, сообщи ему мои приказанія. Если погода будетъ благопріятна, то черезъ шрое сушокъ солнце освѣтитъ возвращъ нашъ; до тѣхъ поръ, будь спокоенъ.“ Сказалъ, и пожавъ руку шоварища, гордо всунулъ въ шлюбку. Весла заплыли влагу, кошорая разливала вокругъ фосфорическое сіяніе. Шлюбка пристала къ кораблю, Ашаманъ всходитъ на палубу; раздався свистокъ; все засуешилось; онъ удивляется быспрому ходу корабля, усшройшву и доброму вооруженію людей, и изъявляетъ имъ свою благодарносшь; бросаетъ на *Гонзальва* ласковый взоръ, въ кошоромъ блещетъ удовольствіе . . . Но опъ чего вдругъ помрачилось лице его? какая скорбь гложеть его внушренности? увы! глаза его нечаянно вспрѣпились съ его башнею, и мысль о разлукѣ поколебала его душу. Можешь бышь, въ эшу минушу бѣдная *Медора* глядѣла на корабль, гошовый къ опшлышю . . . никогда не любилъ онъ споль страшно.

Но ему оставалось много дѣла до разсвѣта. Ему нужно было все его мужество; онъ отвратилъ взоръ и съ *Гонзальвомъ* сошелъ въ каюшу, гдѣ открылъ ему свой замысль и средства къ успѣху. Передъ ними горитъ лампада, на столѣ морской чершежь и кругомъ его мореходныя орудія разбросаны. Бесѣда продолжалась до полуночи.

Между тѣмъ, корабль, какъ хищная птица, летитъ на крылахъ попушнаго вѣтра. Онъ обошелъ цѣпь острововъ и прежде зари вбѣжалъ въ приспань. Тутъ открыли они флотъ Паши, тѣсно споявшій въ узкомъ заливѣ. Они сочли галеры, и замѣтили безпечность Турецкой ночной стражи. *Конрадъ* невидимо проплылъ мимо и бросилъ якорь въ выгодномъ для его предпріятія мѣстѣ. Огромный, далеко вдавшійся въ море утесъ заслонилъ разбойничій корабль отъ непріятеля. Ему не надобно возбуждать свою дружину отъ сна: всѣ гошovy дѣлать съ нимъ опасности на водѣ и на сухомъ пуши. Онъ самъ переплылъ море хладнокровно, разговаривая съ разбойниками о крови, кошорая скоро должна пролиться.

Я.

1825.

Царское Село.

154124.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы.

О К Т Я Б Р Ъ , 1825.

П Р О З А.

Письмо изъ Омска къ Графинѣ N. N

Не гнѣвайшесь, прекрасная Графиня, на долгое мое молчаніе, простите добровольному изгнаннику; онъ жестоко наказанъ за несоблюденіе обѣщанія: страшные мѣсяцы прошли, какъ вѣка, и ни одно благодѣтельное существо не перенесло ко мнѣ, оупъ береговъ Невы — ни оупъ Васѣ грамотки, ни о Васѣ вѣсточки . . . Напрасно, вперивъ неподвижный взоръ на клубящіяся волны Оми или Ирпына, ожидаю я какого-нибудь воздушнаго посланника, неземнаго жителя, счастливаго слугу прекрасной Графини; но ни Сильфы, ни ласковыя Феи Виланда не являлись очаровать радостною вѣсточкой грустнаго знакомца Вашего.

Не понимаю, гдѣ былъ мой умъ, (сердце, я знаю, лежало у ногъ Вашихъ), когда я согласился писать къ Вамъ, Графиня, разъ въ каждыя двѣ недѣли о здѣшнемъ ошдаленномъ краѣ! Согласенъ, что можно

Лн. ХІІІ.

І